

Н. А. Хуббитдинова
**«МОИ ВЕЧЕРА: СКАЗКИ БАШКИРСКИЕ»
 И «КУЗ-КУРПЯЧ, БАШКИРСКАЯ ПОВЕСТЬ» Т. С. БЕЛЯЕВА**

УДК 821.512.141

ББК 83.3(2РосБаш)52

В статье устанавливаются интертекстуальные связи между рукописным произведением «Мои вечера: сказки башкирские», автор которого неизвестен, и повестью оренбургского крепостного автора Т. С. Беляева «Куз-Курпяч, башкирская повесть». В «Моих вечерах...» рассказывается о жизни и быте башкир периода родоплеменных отношений XIII–XVI вв., но в сюжете произведения активно используются мотивы башкирского фольклора и общеструктурные особенности волшебной сказки. Это редкое для своего времени произведение, в котором прослеживается художественное воплощение традиций народного творчества и отражена картина мира башкир. Также рассматривается литературная традиция художественного освоения башкирской тематики в русской словесности XIX в. (П. М. Кудряшев, Н. Н. Кафтанников, В. И. Даль).

Ключевые слова: *фольклор, русская литература, художественное воплощение, повесть, эпос, обряды, традиции, мотивы, сюжеты*

Повесть «Мои вечера: сказки башкирские», или «Зухра и Алдар», как ее называли башкирские ученые по именам главных героев, была обнаружена в 1961 г. М. Г. Рахимкуловым в библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), в фонде известного краеведа, историка и археолога Оренбургского края Р. Г. Игнатьева (1829–1815). Фотокопия рукописи хранится в фонде отдела редких книг Научной библиотеки УНЦ РАН. Кто был автором этого произведения, нам неизвестно, а о предполагаемом времени ее создания будет сказано ниже.

Имя Тимофея Савельевича Беляева (1768–1846) стало известно читателям после публикации в 1812 г. в типографии при Казанском университете его произведения «Куз-Курпяч, башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на русский в долинах гор Рифейских, 1809 года»¹ (далее — «Куз-Курпяч»). Кроме этой повести, нам также известна поэма Беляева «Песнь Курайчи Рифеских гор» (опубликована в книге «Чтения в беседе любителей

русского слова», 1814) и стихотворение-посвящение «К старому и новому домам в деревне Ключах» (журнал «Сын Отечества», 1814). Но самым популярным произведением Т. С. Беляева по праву считается повесть «Куз-Курпяч». После ее выхода в свет стали появляться произведения других писателей, обратившихся к устно-поэтическому творчеству башкир, с образом жизни и бытом которых они были хорошо знакомы («Абдряш, башкирская повесть» П. М. Кудряшева, «Араслан-Бабр, башкирская повесть» Н. Н. Кафтанникова, «Башкирская русалка» В. И. Даля, а также анонимная повесть «Мои вечера: сказки башкирские»).

Повесть «Куз-Курпяч», созданная на основе башкирского эпоса «Кузыйкурпес и Маянхылу», сохраняет исходный эпический сюжет: жили два друга; вскоре у одного родился сын, а у другого — дочь; друзья ударили по рукам, поклявшись о свадьбе — туй — своих детей в будущем; смерть отца юноши повлекла за собой измену слову его друга, он откочевал в дальние края; юноша Кузыйкурпес пускается на поиски своей нареченной, находит ее, однако вследствие вмешательства третьих лиц они погибают. В литературной версии башкирского эпоса — в повести Т. Беляева «Куз-Курпяч» — известный сюжет художественно обработан, дополнен новыми сюжетными линиями (четыре эпизода охоты, во время одного из которых Карабай спасает Сарыбая — отца Баяны — от острых когтей юлбарса; подробное описание национальной борьбы

¹ Беляев Т. С. Куз-Курпяч, башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на русский в долинах гор Рифейских, 1809 года. Казань, 1812.

кураш и других видов состязаний и т. д.), образами (святой старец Авлия, добрая волшебница Мяскай,² Дью-Пяри, близкий друг героя Алдар и др.), завершается же произведение предстоящей свадьбой героев. В финале повести автор обещает издать ее продолжение: «И если сия первая часть, мною переведенная и в свет изданная, читателями будет благосклонно принята, то и вторая вскоре за нею может явиться».³

В башкирском литературоведении бытует мнение о том, что повесть «Мои вечера: сказки башкирские»⁴ является обещанным продолжением «Куз-Курпяча», т. е. той самой второй частью повести, в которой речь идет о потомках главного героя.⁵ Это обосновывается совпадением имен героев и других персонажей, мифических образов (дью-пяри, чародей, мяскай), сходством описаний, некоторых выражений и башкирских слов, поэтических отступлений и т. д. В частности, С. А. Галин уверенно утверждает, что повесть «Мои вечера...», или, как он именует ее, «Зухра и Алдар» или «Кызбатыр и Кырбатыр», является обещанным Т. Беляевым продолжением повести «Куз-Курпяч». Другими словами, переводчиком этих двух произведений является Тимофей Беляев.⁶ Такого же мнения придерживаются исследователи А. И. Харисов, М. М. Сагитов, М. А. Мамбетов, М. Х. Идельбаев. Однако М. Г. Рахимкулов, следуя исследо-

ваниям Л. И. Климовича,⁷ первооткрывателя широкой публике повести Т. Беляева «Куз-Курпяч», писал о недоказанности «какой-либо причастности к ним (т. е. «Моим вечерам: сказкам башкирским» — Н. Х.) Тимофея Беляева».⁸

Основываясь на уже имеющихся исследованиях и не претендуя на окончательные выводы, мы предприняли попытку сравнительного анализа текстов данных произведений. Если повесть Т. С. Беляева «Куз-Курпяч» была издана и получила известность, то анонимная повесть «Мои вечера...» сохранилась лишь в рукописной форме и известна в научных кругах гораздо меньше.

Рукопись написана на листах формата А4. На титульном листе неразборчиво чернильным пером начерпано: «Сия книжка Александр». Ниже следует запись «Сочинял Кольцов», далее — «1870 декабря 20[-го] дня». Здесь же достаточно ясно просматривается изображение башкира с бородой, с тубетейкой на голове, в национальной одежде — камзоле, надетом на длинную рубаху, в широких штанах — шальварах, обутого в калоши. Руки его закинута за спину. Рядом с ним нарисован человек поменьше ростом (возможно мальчик), также в тубетейке, в камзоле, руки — на бедрах.

Повесть «Мои вечера: сказки башкирские» начинается с прозаического и поэтического вступлений-посвящений Н. Н. Бахметьеву, генерал-губернатору Оренбурга (1798–1803): «Тебе! Почтеннейший мой Николай Николаевич, посвящаю я Мои вечера как плод одинокости моего. Конка глуп, а я не вития; так чего доброго ожидать! Ты найдешь в них то, что уже слышал прежде в часы отдохновения твоего. Читая их, припамятуешь нравы, обычаи любимых моих семиродцев,⁹ которых и ты любил; а они тебя и до сей поры любят и называют: Ай, джигит Бахметьев!» (л. 2). Затем следует поэтическое посвящение:

Не Кайлус повести восточны соплетает,
Не Шахеризада здесь султана усыпляет,
Но *Конка*¹⁰ с барином любя тебя душой,
Башкирские рассказы, любимые тобой
Приносят в дар тебе не ради красна слова...

⁷ См.: Климович Л. И. Наследство и современность. М., 1975. С. 331–358.

⁸ Рахимкулов М. Г. Страницы дружбы: русско-башкирские литературные связи. Уфа, 1972. С. 106.

⁹ Башкир часто называли «семиродцы». Имеются в виду семь крупных башкирских родов, олицетворяющих этноним башкир.

¹⁰ Курсив наш — Н. Х.

² Мяскай — отрицательный персонаж в народных сказках и поверьях; обжора, часто высасывающая кровь у спящих людей или питающаяся падалью (в русском народном творчестве аналогичным образом является Баба-Яга). Но у Т. Беляева этот персонаж не совпадает с народным представлением и изображается добрым помощником героя (об этом подробнее см.: Хуббитдинова Н. А. Художественное отражение фольклора в литературе: к проблеме русско-башкирских фольклорно-литературных взаимосвязей. Уфа, 2011. С. 24, 25).

³ Беляев Т. С. Куз-Курпяч, башкирская повесть // Башкирия в русской литературе / сост., авт. предисл. и коммент. М. Г. Рахимкулов. Т. 1. Уфа, 1989. С. 313.

⁴ Наш анализ ведется на основе фотокопии оригинала повести, хранящейся в Научной библиотеке УНЦ РАН. Все цитаты приводятся по ней с указанием в скобках страниц.

⁵ См.: Галин С. Кызбатыр и Кырбатыр // Совет Башкортостаны. 1968. 13–16 авг. Башк.; Он же. Фольклор и современность: литературно-критические статьи. Уфа, 1972. С. 7–38. Башк.; Харисов А. И. Литературное наследие башкирского народа. Уфа, 1973. С. 85; Сагитов М. М. Башкирские сказители и их эпический репертуар // Башкирский народный эпос. М., 1977. С. 489; Мамбетов М. А. Тимофей Беляев — собиратель и популяризатор башкирских эпических произведений // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1976. С. 154–160; Идельбаев М. Х. «Кузыйкурпес» и «Алдар и Зухра» // История башкирской литературы. Уфа, 1990. С. 385–404. Башк.

⁶ См.: Галин С. Фольклор и современность.

На следующем листе рукописи записано:

Я в шутку правду возвещу,
Татарски сказки из подступу
Державин
Тебе, Бахметьев, сообщу.

К фамилии Г. Р. Державина сделано примечание: «Певец фелицы сказал: “Как луч потомству сообщу”, но я сказки мои не считаю лучом и не хочу предать оные потомству, а только тебе единому». Возвращаясь к описанию оформления рукописи, добавим, что на втором листе другим, размашистым, почерком написано: «Эта книжка принадлежит Петру Шишкину. 1870 год. Декабрь, 20[-го] числа». Ниже сделана другая запись: «Эта книжка принадлежит Александр Синягину 1871 года февраля 23[-го] числа. Написал Александр Синягин 1871 года февраля 25[-го] дня». Видимо, рукопись переходила из рук в руки.

Со страницы 3а, как указано в рукописи, начинается повествование. Однако вначале автор пускается в рассуждения: «Равными Отцы семейства были почитаемы от детей своих, а старики от юношей своих, а старики от юношей. И когда Аксакалы (сиречь белобородые), сидя в собрании, рассказывали или что-нибудь советовали, то молодые разиня рот с прилежанием слушали и отнюдь не смели перебить их речи, считая себя перед ними невеждами...» (с. 3а). Автор показывает, что все поучения и наставления воспринимались молодыми как наука, жизненный опыт. Так, рассуждая о нравах народа и нравственных понятиях в рамках вечной проблемы отцов и детей, автор поясняет функции избираемых в качестве ханов или глав — баш — истинных мужей рода: они избирались не для «разбора... споров и тяжб... не употребляли во зло их выбор», а «были защитниками от нападения на стада их хищных зверей или злобных пяривей» (с. 3а), поэтому они должны были иметь все качества батыра. Здесь, вероятно, речь идет о патриархальных нравах и порядках внутри родовых отношений, когда существовала устойчивая структура родоплеменной организации башкир, обеспечивавшаяся непререкаемым авторитетом родовых старейшин — аксакалов — и обязательным знанием шежере — генеалогии рода.¹¹

Затем автор, как бы спохватившись, что заговорился «о нравах и обычаях моих Семирод-

цев и слушателей заставил зевать», переходит к основному содержанию. События развиваются на обширной территории западной и северо-западной части исторического Башкортостана: упоминаются географические названия местностей этой территории, простирающейся от реки Уфимки, впадающей в реку Агидель (ныне — район города Уфа), до устья реки Агидель, впадающей в Каму. Так, пастбища отца Джюгры раскинулось по берегам рек Кармасан и Чермасан (на юго-западе Башкортостана), летовка (кочевье) осуществлялась вплоть до озера Кандрыкуль, в повести также упоминаются съехавшиеся на праздник йыйын гости из Бирска, Дёмы, Уфы, Ашкадара, Чермасана и т. д. В целом охвачена равнинная, лесостепная территория современной Башкирии. Забегая вперед, скажем, что сама Джюгра избрала себе в мужа Алдар-батыра из горной части Башкортостана, с долины горы Ирендык — горного хребта на Южном Урале. Как верно отметил С. А. Галин, бракосочетание Джюгры из степной части башкирской земли и Алдар-батыра из горной олицетворяет союз крупных башкирских родов, представителями которых являются герои. В XIV–XVI вв. на северо-востоке действительно существовал союз, объединяющий роды усярган, бурзян, кыпчак (кара-кыпчак, сэнкем-кыпчак), тунгаур, тамъян.¹²

Композиция повести имеет сложную структуру и состоит из 56 частей, названных «вечерами», что напоминает сборник восточных сказок «Тысяча и одна ночь», где каждый новый рассказ Шахерезады соответствует новой ночи. Однако в нашем случае этого не наблюдается: события в повести развиваются в течение всех вечеров, но центральный сюжет сопровождается внесюжетными линиями, часто не играющими особой роли в развитии действия. Повесть написана в период популярности в литературе XIX в. (как в западной, так и в русской) традиций рыцарского, салонно-героического романа. В подобных произведениях не встретишь цельной истории, они представляют собой «обрамленную серию рассказов», где сюжет может строиться «по типу мемуаров или автобиографий» с сохранением «многих аксессуаров высокой романтики, вроде мотивов преступной любви, подмендетей, кораблекрушения, пленауразбойников,

¹¹ См.: История башкирского народа: в 7 т. Т. 3. Уфа, 2012. С. 237.

¹² См.: Галин С. А. История и народная песня. Уфа, 1996. С. 100, 102. Башк.

переодевания, заключительной сцены «узнавания» и т. д.¹³ В «Моих вечерах...» во многом наблюдается следование художественным особенностям этого жанра. Наложение одной истории на другую (часто эти истории касаются второстепенных персонажей), образующую отдельный сюжет, лишние, порой бесполезные подробности и комментарии искусственно осложняют действие, что, в свою очередь, снижает качества художественности произведения. Однако нельзя забывать, что перед нами не окончательный (печатный) текст произведения, а его рукописный вариант, нуждающийся в редактировании.

Обратимся к фабуле произведения. У башкирского батыра Аллабирде умерла жена и трое сыновей. Односельчане предлагают ему жениться на овдовевшей женщине по имени Джюгра (или Зухра), в прошлом прославившейся и прозванной Батыр Кыз (Дева-Богатырь). После недолгих уговоров он соглашается и вместе со своим другом Джилкибаем отправляется в путь на поиски будущей жены.

Мотивировка действия героя, отправившегося на поиски суженой, дает толчок развитию первой части сюжета, которую мы определяем как «Судьба Аллабирде, его жизнь среди своих соплеменников, поездка за будущей женой». На пути к Джюгре друзьям предстоит преодолеть немало препятствий, чинимых дэвами (темными демоническими силами) — дью-пярями, чародеями-оборотнями, принимающими вид различных птиц и животных. Все они являются лютыми врагами Всевышнего. В пути героям помогают мифические помощники: птица счастья — Дивлетли Куш, святой старец Авлия, предостерегающий их от нападения демонических сил.

В поисках невесты сказочный герой традиционно проходит ряд испытаний: ходит за три моря, спускается под землю, сражается с драконом / дэвом и т. д. Одним из самых серьезных испытаний героев «Моих вечеров...» становится битва с мифическим существом пярри, изображенным в виде человека «исполинского роста». Герои сначала стреляются с ним, затем сражаются на саблях. В итоге пярри повержен. Только после этого путники достигают своей конечной цели — встречаются с Джюгрой.

Здесь следует заметить, что пярри, с которым встречаются и бьются герои повести, обита-

ет в белой кибитке. Как нам представляется, аллюзия, отсылающая нас к белой кибитке в «Куз-Курпяче» Т. Беляева. Белый цвет у башкир ассоциируется с чистотой, целомудрием. Не случайно добрая дева-волшебница Мяскяй у Беляева живет именно в белой кибитке. Использование этого образа в повести «Мои вечера...» в иной роли — как дома злобного пярри — вызывает недоумение. По-видимому, автор слепо следовал повести Т. Беляева и не обратил внимания на нюансы.

Вернемся к картине встречи Аллабирде с Джюгрой. На первый взгляд кажется, что их встреча должна привести сюжет к развязке. Однако ожидаемая развязка оттягивается за счет дополнительных сюжетных линий: а) Алдар и Джюгра; б) история Брахима; в) история Гульбики; г) история Гульбустан; д) история Тансылу; е) история Аккубека; ж) история старика-охранника; з) бракосочетание Алдара и Зухры и т. д.

Отправной точкой развития этих сюжетных линий служит жизнь и деятельность Алдара-батыра и Джюгры. О них читатель узнает из ее рассказа. Так, мы видим, что Джюгра росла очень смелой девушкой. В отличие от своей сестры Сулу-бика, она пренебрегала женскими обязанностями в быту и отдавала предпочтение мужским занятиям: «...с рассвета дня вставала... опоясывала саблю и лук со стрелами, садилась на лучшего коня и пускалась в степь, объезжая стада отца... защищала их; также одевалась как молодые люди, пряча свои длинные волосы под шапкой» (с. 28а). После одержанной победы над медведем ее стали называть Батыр Кыз. Из повести известно, что Джюгра дала слово выйти замуж только за самого сильного батыра: «Тот мне будет муж, — говорила она своему отцу, — кто превзойдет меня в стрельбании из лука, в борьбе и кто стащит на скаку с коня» (с. 28).

В последующих главах («вечерах») описывается поездка бесстрашной Джюгры к Прорицателю, подарившему ей волшебную плетку, с помощью которой она побеждает злых чародеев, а затем встреча с добрым чародеем, рассказавшим ей свою историю. Это был старик Брахим, который пришел из Индии, и было ему 167 лет. В этой части повествования, условно обозначенной нами как «История Брахима», подробно рассказывается о жизни этого старца. Интересно, что автор, желая дать разъяснение имени «Брахим», просит читателей посмотреть сведения о нем в «Географическом

¹³ Белецкий А. И. Избранные труды по теории литературы. М., 1964. С. 113.

словаре Российского государства, ч. 1, стр. 589, 1801 г.» (с. 41а). В 17-м «вечере» Чародей Брахим предсказывает Джюгре возведение пришедшим народом на левом берегу реки Идиль «обширного и крепкого града», покорение соседних народов «Уар, Мокша, Чермис» и т. д. Но вскоре, предвещает он, из белых Князей «произойдет» сильный и храбрый муж,¹⁴ «кого признают себе главой и нарекут Падшею.¹⁵ Старец также предсказывает судьбу башкирского народа, говорит о мятежах-восстаниях, о нищете и безысходности и т. д. Он предрекает и встречу Джюгры со своим суженым — смелым батыром Алдаром.

Эпизод предсказаний Брахима вновь напоминает нам о повести Т. Беляева: во время встречи Куз-Курпяча с доброй Мяскай она также дает ему советы, предсказывает, обращаясь к своему волшебному каменному экрану (волшебному зеркалу), его судьбу и судьбу семи башкирских родов, которые произойдут от Куз-Курпяча и Баяны; завуалированно изображается исторический акт присоединения башкир к Русскому государству, говорится о народных восстаниях и т. д.

В 19-м «вечере» рассказывается о встрече Джюгры со своим суженым Алдар-батыром. В последующих главах-«вечерах» (с 20-го по 30-й «вечер») описывается красочная картина йыйына — праздника по случаю помолвки Алдара и Джюгры, во время которого многие батыры меряются силами в борьбе-кураш, в различных состязаниях, скачках и т. д. В 31-м «вечере» в ходе состязаний и борьбы Алдар-батыр одерживает верх над Джюгрой и уже наутро они начинают готовиться к свадьбе.

Однако на этом повесть не завершается. После пышной свадьбы Алдар со своей женой Джюгрой собирается ехать на родину, в долину горы Ирендык. Путешествие сопровождается приключениями и встречами с разными героями. В последующих главах повествуется о том, как герои встретили святого старца Авлию, подарившего каждому амулеты бетеу — обереги от злых духов; изображаются картины схваток с нечистой силой, освобождения из заточения лютого пярря прелестных девушек по имени Гульбика, Тансылу, каждая из которых имеет свою историю, а также юноши по имени Аккубек. Каждый из этих героев обре-

тает свое счастье. Так, Аккубек наконец находит среди пленниц свою невесту Гульбику, похищенную когда-то оборотнем, а Гульбустан отвечает взаимностью своему спасителю Байджигит-батыру, Тансылу — Карабай-батыру (все они были друзьями Джюгры и Алдара).

С повестью Т. Беляева перекликаются образы святых старцев, именуемых здесь по-разному — то Авлия, то Пустынник. В «Куз-Курпяче» мудрый Авлия четыре раза появляется перед героями и помогает им своими советами и наказаниями, выступая единственным в своем роде посланником пророка Мухаммеда. После смерти отца юноши Авлия становится помощником Карабаева сына Куз-Курпяча, играет в его жизни судьбоносную роль. В повести «Мои вечера...» Авлия и Пустынник также появляются в решающие для героев моменты, предупреждают о беде и помогают одолеть врага.

В силу того что «Мои вечера...» не закончены (возможно, страницы затерялись), нам не суждено узнать, каков финал произведения. Текст завершается на листе 137, где рассказывается о предстоящей свадьбе друзей Алдара и Джюгры — Гульбустан с Байджигитом, Тансылу с Карабаем.¹⁶ На этом же последнем листе другим, канцелярским, почерком приписано: «В этой рукописи сто тридцать шесть листов»; далее следует подпись: «Библ. М. Бычков». Видимо, после Александра Синягина содержимое папки было упорядочено, уточнялась нумерация листов, и сам текст заархивирован библиографом под номером 1887/№ 96.

В примечаниях к повести приводятся разъяснения тех или иных башкирских слов, обычаев, суеверий и верований. Например, героям повстречался огромный орел, которого автор назвал «Дивлетъли Куш»: «... послушай, баш (т. е. Аллабирде, который являлся главой в своем ауле — Н. Х.), это, конечно, Дивлетъли Куш (Даулят-кушу, дословно «птица, приносящая богатство и счастье; птица счастья и удачи» — Н. Х.), и она требует от нас пищу» (л. 8а), т. е. жертвоприношение. По этому поводу в подстрочном примечании автор дает такое разъяснение: «Башкирцы верят, что есть милостивая птица, которая помогает в нуждах и бедах, а иногда говорит и человеческим голосом». Дабы задобрить и умиловать птицу, герои отдают ей целого оленя,

¹⁴ Видимо, речь идет об Иване Грозном, во время правления которого башкирские племена присоединились к Русскому государству.

¹⁵ От башкирского слова *батша* 'царь'.

¹⁶ Гульбика с Аккубеком были уже ранее помолвлены, поэтому они, отделившись от остальных, отбывают на родину егета.

которого подстрелили незадолго до этого. Действительно, получив богатое угощение, Дивлетъли Куш позже помогает путникам в преодолении трудностей.

Подобные комментарии делают более понятными для русского читателя особенности инациональной культуры, поэтому можно предположить, что автор не был башкиром по национальности. Столь подробные разъяснения и уточнения и дословные переводы были характерны для произведений XIX в., написанных на башкирскую тематику (повести П. М. Кудряшева, Н. Н. Кафтаникова, В. И. Даля).

Распространенными в литературе романтизма начала XIX в. были и мистические «вкрапления» в сюжетно-образную систему произведения. Наблюдаем мы их и в повести «Мои вечера...». Так, из верований башкир известно, что пяри, юха (оборотень) могут принимать облик различных людей и диких зверей. В волшебных сказках герой сражается со стаей волков, с медведями, лисами, которые способны оборачиваться в других животных и человека, а змеи, например, — в красивых девушек или юношей и т. д.

В «Моих вечерах...» героям также приходится сражаться с полчищем оборотней, и на помощь к ним приходит та самая птица Дивлетъли Куш, которую они угостили олениной. Сначала на них нападают птицы; вторая битва

происходит со львами; третье сражение — уже с самим пяри, который жил в белой кибитке — юрте-тирмэ. Поверженному пяри отрубают голову и вместе с телом сжигают ее на костре (л. 17а). Согласно народному поверью, уничтожение останков демонического существа путем сжигания на костере и рассеивания по ветру пепла представляло собой обязательный ритуал, так как нечистый дух можно уничтожить только огнем. Герои следуют этому обычаю после каждой одержанной победы над злым духом. Но и в «Куз-Курпяче» Т. Беляева Карабай-батыр, победив в честной битве пяри, сжигает его останки.

Повесть «Мои вечера: сказки башкирские» богата фольклорными традициями, мотивами, образами, описаниями народных обычаев. Многие из них встречаются в башкирском фольклоре, а некоторые, как мы стремились показать, — и в литературных произведениях по мотивам башкирского народного творчества, например в повести «Куз-Курпяч» Т. Беляева. Думается, что «Мои вечера: сказки башкирские» — самостоятельное литературное произведение, рассказывающее о жизни и быте башкир периода родоплеменных отношений XIII–XVI вв. Это одно из редких произведений XIX в., в котором в той или иной степени художественно воплощены традиции народного творчества и отражена картина мира башкир.

Nerkes A. Hubbitdinova

Candidate of Philological Science, Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center (Russia, Ufa)

E-mail: narkaso8@rambler.ru

“MY EVENINGS: BASHKIR FAIRY TALES” AND “KUZ-KURPYACH, BASHKIR STORY” BY T. S. BELYAEV

The article established inter-textual links between the hand-written source “My evenings: Bashkir fairy tales” by an unknown author and a story written by the Orenburg serf author T. S. Belyaev “Kuz-Kurpyach, Bashkir story”. “My evenings...” told a story of life and customs of the Bashkir during the period of tribal society of the 13th–16th centuries, however the author widely used the motifs from both the Bashkir folklore and the general structural features of fairy tales. This was a rare for its time work combining the elements of artistic representation of folklore traditions and the description of the Bashkir's world view. The article also studied the literary tradition of artistic development of the Bashkir topic in the Russian literature of the 19th century (P. M. Kudryashev, N. N. Kaftannikov, V. I. Dal).

Key words: *folklore, Russian literature, artistic expression, narrative, epics, rituals, traditions, motifs, themes*

REFERENCES

Beletskiy A. I. *Izbrannye trudy po teorii literatury* [Selected papers on literature]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1964, 478 p. (in Russ.).

- Belyaev T. S. *Bashkiriya v russkoy literature* (Bashkiria in Russian literature). Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1989, Vol. 1, pp. 247–313. (in Russ.).
- Galin S. A. *Istoriya i narodnaya pesnya* [History and folk song]. Ufa: Kitap Publ., 1996, 288 p. (in Bashkir).
- Galin S. *Folklor i sovremennost: literaturno-kriticheskie stati* [Folklore and modernity: literary critiques]. Ufa: Kitap Publ., 1972, pp. 7–38. (in Bashkir).
- Galin S. *Sovet Bashkortostany* [Council of Bashkortostan], 1968, August 13–16. (in Bashkir).
- Idelbaev M. Kh. *Istoriya bashkirskoy literatury* [History of Bashkir literature]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1990, Vol. 1, pp. 385–404. (in Bashkir).
- Istoriya bashkirskogo naroda* [History of the Bashkir people]. Ufa: Gilem Publ., 2012, Vol. 3, 416 p. (in Russ.).
- Kharisov A. I. *Literaturnoe nasledie bashkirskogo naroda* [Literary heritage of the Bashkir people]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1973, 312 p. (in Russ.).
- Khubbitdinova N. A. *Khudozhestvennoe otrazhenie folklora v literature: k probleme russko-bashkirskikh folklorno-literaturnykh vzaimosvyazey* [Artistic reflection of folklore in literature: the problem of Russian-Bashkir folklore and literary links]. Ufa: Gilem Publ., 2011, 126 p. (in Russ.).
- Klimovich L. I. *Nasledstvo i sovremennost* [Heritage and Modernity]. Moscow: Nauka Publ., 1975, 412 p. (in Russ.).
- Mambetov M. A. *Folklor narodov RSFSR* [Folklore of the peoples of the RSFSR]. Ufa: BGU Publ., 1976, pp. 154–160. (in Russ.).
- Rakhimkulov M. G. *Stranitsy druzhby: russko-bashkirskie literaturnye svyazi* [Friendship Pages: Russian-Bashkir literary connections]. Ufa: Kitap Publ., 1972, 255 p. (in Russ.).
- Sagitov M. M. *Bashkirskiy narodnyy epos* [Bashkir folk epos]. Moscow: Nauka Publ., 1977, 489 p. (in Russ.).